

тур пышным, чтобы выситься напротив Лувра, и однажды, беседа с г-ном де Невером и указывая ему на это здание, сказал: «Племянник, я переселюсь к тебе, когда твой дом будет закончен». Упомянутые слова Короля, а быть может, и недостаток денежных средств привели к тому, что строить дом перестали.

Однажды, обнаружив у себя много седых волос, Король воскликнул: «Право же, я поседел от торжественных речей, что произносились в мою честь со дня моего восшествия на престол».

Г-жа де Бар имела право приглашать в Лувр проповедников, но распевать псалмы там не разрешалось. Однажды, когда ее очень долго ждали, д'Обинья, зная, что она беседует с Королем, входит в ее покои. «Что случилось?» — спрашивает Его Величество. «Герцогиню давно уже ждут, государь». — «Ну, что ж, — отвечает Король, — пусть себе покоют, ежели им скучно». Д'Обинья, в восторге от того, что может подшутить над Королем, передает его слова собравшимся, а их довольно много, и все они начинают громко петь. «Что это?» — недоумевает Король. Ему объясняют. «Бог ты мой! — обращается он к сестре, — ступай же скорее туда, и пусть они немедленно замолчат».

Как-то, застав свою сестру, будущую г-жу де Бар, в задумчивой позе, Король спросил ее: «С чего это, сестрица, вы вздумали грустить? Нам по всему подобало бы водать хвалу господу богу: дела у нас идут как пельзя лучше». — «У вас-то да, — отвечает она, — у вас все очень мило, а вот у меня милого нет как нет».²³

Однажды она велела поставить балет, в котором каждая фигура изображала букву имени Короля. «Ну как, Ваше Величество, — спросила она потом, — вы заметили, что все эти фигуры составляют буквы вашего имени?» — «Ах, сестрица, — отвечал Король, — либо вы плохо пишете, либо мы не умеем читать: никто не заметил того, о чем вы говорите».

В тот день, когда Генрих IV вступил в Париж, он отправился к своей тетке де Монпансье и попросил подать ему варенья. «Не иначе, — сказала она, — как вы спрашиваете его ради насмешки. Думаете, небось, что оно у меня все вышло». — «Да нет, — отвечал Король, — я попросту есть хочу». Она велела принести горшок абрикосового варенья и, положивши Королю, хотела, как полагалось, отведать первая. Король остановил ее и сказал: «Опомнитесь, тетушка!». — «Как? — воскликнула она, — мало я, по-вашему, натворила? Неужто вы меня не подозреваете?» — «Да ничуть не подозреваю, тетушка». — «А! — отозвалась она, — придется, видно, мне стать вашей служанкой!». И в самом деле, с тех пор она преданно служила ему.

При всей храбрости Короля говорят, будто стоило сказать ему: «Враги идут!», — как с ним приключалась медвежья болезнь и он, желая обратить это в шутку, объявлял: «Пойду-ка, постараюсь хорошенько для них!».